

УДК 14:378

А.В. Климович¹, С.А. Жук²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²студент исторического факультета

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru**НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «КОНЦА ИСТОРИИ» Ф. ФУКУЯМЫ**

*Настоящая угроза всегда направлена
против сути человека*
М. Хайдеггер

*Исследуются два аспекта научно-технологических вызовов – формирование общества
мягкого тоталитаризма и формирование постчеловека.*

Введение

Одним из геополитических полюсов современного мира является западная цивилизация, позиции которой значительно укрепились после дезинтеграции биполярного мира. В связи с этим актуализировались исследования, в которых осмысливаются вызовы западной цивилизации на различных уровнях. Ф. Фукуяма не является первопроходцем в этом проблемном поле исследований. Наиболее основательными, ставшими уже классическими работами являются «Закат Европы» О. Шпенглера [1], «Постижение истории» А. Тойнби [2]. В российской науке этому вопросу посвящена одна из содержательных линий известной работы В. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Среди работ, выполненных в рамках парадигмы постнеклассической науки, следует выделить статью С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» [3] и написанную на основании этой статьи книгу «Столкновение цивилизаций» [4], ставшую в свое время научным бестселлером. Впрочем, следует отметить, что исследовательский интерес к данной проблематике оформился еще ранее, в XIX в. Так, Э. Саид, исследуя европейский научный дискурс того времени, отмечает, что преобладающее мнение может быть выражено следующим образом: «Восток по сути есть нечто такое, чего либо следует бояться (желтая угроза, монгольские орды, смуглые доминионы), либо держать под контролем (за счет умиротворения, исследования и развития, немедленной оккупации там, где это возможно)» [5, с. 147, 253]. Таким образом, тема исследований Ф. Фукуямы не является новой, однако методология и аргументация автора оригинальны и позволяют рассмотреть ряд новых аспектов вызовов западной цивилизации. Таким образом, цель статьи – исследование научно-технологических аспектов вызовов западной цивилизации в контексте философии и методологии Ф. Фукуямы.

«Конец истории» Ф. Фукуямы: трансформация понимания конструкта

В 1989 г. Ф. Фукуяма в статье «Конец истории?», опубликованной в журнале «National interest» [6], провозгласил конец истории в гегельянском понимании этого события. Причиной такого смелого предположения стало формирование новой геополитической реальности, что стало возможным в результате дезинтеграции советской мир-системы. Состояние «конца истории» во всемирном историческом процессе, согласно Ф. Фукуяме, может быть определено как завершение идеологической эволюции челове-

чества. По мнению философа, «венец» этой эволюции и основа окончательной общечеловеческой универсализации – западная либеральная демократия, которая является «окончательной формой правления». В научном дискурсе распространено мнение, что конец истории, провозглашенный Ф. Фукуямой, является «полным и окончательным». Однако философ никогда категорично не заявлял о конце истории, даже в работах конца 1980-х – начала 1990-х гг., всегда оставляя ряд возможностей для «перезапуска истории». Также необходимо отметить, что конец истории является результатом многовекового воплощения тимоса в истории. Тимос (в русском переводе также «яростный дух») – концепт, предложенный Платоном в работе «Государство», который может быть определен как стремление к признанию и утверждению человеческого достоинства. Однако конец истории возможен тогда и только тогда, когда альтернативы мирового развития (фашизм и коммунизм), бросившие вызов либеральной демократии, повержены и более не являются угрозой.

Обобщая взгляды философа, следует отметить, что переход к эпохе «конца истории» не будет простым и одномоментным. По его мнению, постисторическая цивилизация должна перебороть еще ряд «суррогатов» цивилизационного развития: национализм и религиозный фундаментализм. Однако ни первое, ни второе явления не могут стать альтернативами постисторической цивилизации. Национализм, по мнению автора, «неоднороден, это не одно, а несколько различных явлений – от умеренной культурной ностальгии до высокоорганизованного и тщательно разработанного национал-социализма» [6, с. 147]. Религиозный фундаментализм также не является альтернативной моделью развитию. Фукуяма отмечает, что, «хотя пустота (имеется ввиду определяемая философом духовная пустота либеральной демократии. – А. К., С. Ж.), конечно, идеологический дефект либерализма, из этого не следует, что нашей перспективой становится религия» [6, с. 148].

На рубеже тысячелетий методологические и философские воззрения Ф. Фукуямы начинают трансформироваться. Идеалистический подход в исследованиях не позволил ему реализовать прогностическую функцию, что заставило автора пересмотреть методологию и использовать синтетический подход, включающий в себя элементы и идеалистического, и материалистического подходов. Оригинальным методологическим решением стало рассмотрение процесса формирования общества *posthistory*¹ и постисторической цивилизации как результата модернизации. Философ отмечает, что «конец истории и последний человек – это разговор о модернизации. Изначально универсально не устремление к либеральной демократии, а желание жить в современном обществе, с его технологиями, высокими жизненными стандартами, здравоохранением и доступом к окружающему миру» [7, с. 135]. Отметим, что Ф. Фукуяма в силу ограниченности эвристического потенциала конструкта «тимос» не использовал его в рамках научных исследований с начала 2000-х гг., что позволяет говорить об определенном выхолащивании первоначальной идеи о конце истории как триумфе либеральной демократии. На наш взгляд, подобная трансформация взглядов связана как с глобальными и региональными геополитическими процессами, так и с изменениями в методологической позиции автора: от идеализма к материализму. Тем не менее на всех этапах своей научной деятельности Ф. Фукуяма обращался к проблеме вызовов западной цивилизации.

¹ Общество *posthistory* – конструкт, который в рамках статьи определяет образ социальной организации в постисторической цивилизации.

Формирование, структура и специфика вызовов западной цивилизации: взгляд Ф. Фукуямы

Состояние конца истории во всемирно-историческом процессе, исходя из взглядов Ф. Фукуямы, может быть изменено, и сам процесс вернется в «историческую стадию». Однако для этого необходимо создание определенных условий, которые можно назвать вызовами западной цивилизации. Под вызовами в рамках статьи понимаются любые процессы, которые могут привести к ситуации, когда выход из состояния «конца истории» является вероятным, т.е. «история может взять новый старт» [8, с. 187]. Вызовы имеют различную природу, могут протекать как открыто, так и скрыто для наблюдателя, однако любой из них может «включить двигатель истории», что будет проявляться на нескольких смысловых уровнях: всемирно-историческом (альтернатива либеральной демократии, которая окажется более устойчивой и жизнеспособной и сможет на равных конкурировать с обществами *posthistory*, а значит, конец истории будет или отложен на время экзистенциального противостояния, или – в понимании Гегеля и Фукуямы – станет невозможным), геополитическом, идейном (деградация идентичности «человека Запада»), ресурсно-технологическом и др. В результате исследования был выявлен ряд вызовов западной цивилизации, которые были определены нами через метафоры.

«Скука караванистика», или «тимос возрожденный». В работах конца 1980-х – начала 1990-х гг. Ф. Фукуяма обращается к метафоре каравана (образ всемирно-исторического процесса), который движется к определенной цели: повозки каравана разными путями достигнут этой цели. Но «конец истории печален», что и может «вынудить историю взять новый старт» [6]. Поэтому «мотором» перезапуска истории может стать именно тимос.

*«Скелеты в шкафу общества *posthistory*», или «зерна с привкусом плевел».* На протяжении своей научной деятельности философ не единожды обращался к пресловутому «среднему уровню», что вкупе со значительной методологической эклектикой и противоречивостью взглядов автора создает некоторую путаницу. Вызовы возможны как на институциональном уровне, так и уровне культур и идентичностей. На мезоуровне вызовы исходят также от развития экономики, общественной организации, политической системы. Для исследования этих процессов автор выделяет два ключевых концепта – либеральная демократия и средний класс (причем формирование первой возможно только тогда, когда сформирован второй). Для «перезапуска истории» в обществе *posthistory* необходима ликвидация его социальной базы – среднего класса, что может быть вызвано последствиями, выражаясь категориями Э. Тоффлера, «третьей волны», в частности, технологическим взрывом и формированием глобального рынка трудовых ресурсов.

Между мир-экономикой, мир-системой и мир-империей. Обращаясь к закономерностям развития западной цивилизации, Ф. Фукуяма неизбежно вынужден моделировать будущее Западной цивилизации. На наш взгляд, альтернативы развития наиболее корректно могут быть описаны через концепцию И. Валлерстайна: от постисторической цивилизации в образе царства честной рыночной конкуренции до модели взаимодействия, имеющей природу мир-империи: *core – periphery* (ядро-периферия).

«Бунт мира истории» («под знаменами Великих нарративов»). По мнению философа, исторический мир живет в рамках сверхпарадигм, которые могут, говоря словами Ж. Лиотара, быть описаны как Великие нарративы [9]. Западная цивилизация, находясь в постисторической стадии развития, теряет свои функторы: «великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель» [9, с. 14]. Поэтому именно Великие нарративы могут представлять для нее определенную опасность.

«Зияющие высоты постисторической глобализации», или «бунт олимпийцев» (кризис идеологии постисторической цивилизации, создание глобального рынка труда, рост привлекательности политического популизма). Еще одним важным «олимпийцем» является идеология мультикультурализма (например, транзит американской политики в области мигрантов от метафоры «плавильного котла» к метафоре «миска салата»). Философ отмечает: «Здесь, в США, постепенно подходят к пониманию того, что на пути к мультикультурализму и этнической балканизации мы зашли слишком далеко и должны хоть ненадолго остановиться» [7, с. 93]. Большинство таких угроз носят латентный характер и не могут в краткосрочной и среднесрочной перспективе поколебать глобальное лидерство постисторической цивилизации, однако они могут действовать подобно «медленному яду», критически накапливаясь в структурах и институтах реципиента.

Рассмотренные выше вызовы западной цивилизации имеют как имманентную, так и внешнюю природу. Вместе с тем некоторые из них возникают в результате глобальных процессов, в которых ключевую роль играет западная цивилизация. Таким образом, вызовы западной цивилизации имеют разную природу и, соответственно, несут различную степень угрозы. Однако большинство из них довольно подробно исследованы в других работах, посвященных возможным причинам упадка западной цивилизации. Ф. Фукуяма весьма оригинально и доказательно обосновал их структуру и специфику в современном мире. Философ обращается и к научно-технологическим вызовам западной цивилизации.

«Разгорающаяся заря технологической сингулярности», или «последний человек versus постчеловек». Западная цивилизация в XX в. успешно смогла противостоять тотальной альтернативе, ею же порожденной: коммунизму и фашизму. Поэтому все подобные угрозы, которые Ф. Фукуяма сводит в парадигму «1984»², уже не являются первоочередными. Более того, философ пишет о выработке у западной цивилизации иммунитета против подобных проектов. Экономический и политический потенциал Запада не позволяет говорить о высокой степени внешних угроз, таких как Великие нарративы. Поэтому особое значение приобретают вызовы, которые можно свести к парадигме «дивного нового мира». Подобное определение сущности этих вызовов неслучайно. Мы обратились к творческому наследию О. Хаксли и его работе «О дивный новый мир» [10], в которой представлено общество, где, с одной стороны, царит экономическое благоденствие, всеобщее благосостояние и счастье, а с другой стороны, это общество четко стратифицировано (программирование человека), в нем отсутствует индивидуальность и т.п. Подобные парадигмы «мягкого» тоталитаризма, который является абсолютom общества потребления в условиях «благодетельного» тоталитарного государства. Приблизительно такие перспективы развития западной цивилизации рисует Ф. Фукуяма, осмысливая процессы развития науки и техники.

Основимся подробнее на соотношении концептов «конец истории» и «научно-технологический прогресс». В начале 2000-х гг. Ф. Фукуяма согласился с критикой провозглашения конца истории: конца истории не может быть, пока не будет конца науки [11, с. 5]. К сожалению, философ не определяет объем и содержание концепта «конец науки». Рискнем предположить, что под концом науки следует понимать, используя категориальный аппарат Т. Куна, последнюю парадигму научного знания, в которой наука всегда будет *normal science* [12]. Это ни в коем разе не означает, что научный прогресс остановится. Однако мы отнюдь не приблизились к концу науки, а науки биологического направления, как отмечает Ф. Фукуяма, сейчас вообще находятся на подь-

² Под парадигмой «1984» понимается тоталитарная альтернатива развития общества, актуализированная в работах Дж. Оруэлла.

еме. Данное утверждение философа определено особенностями развития научного знания (как фундаментального, так и прикладного) на рубеже тысячелетий (книга «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции» писалась в 1999–2002 гг.): огромные достижения в сфере исследования генетики, сравнимые с эффектом «взрыва парадигмы», в условиях несколько менее заметных достижений в других областях [11]. Однако мы не должны отбрасывать значительные достижения и в сфере информационных технологий, физики, химии и др. Также необходимо отметить, что Ф. Фукуяма внес значительный вклад в понимание специфики биотехнологии и совершил реконцептуализацию категории «биотехнологическая революция», сделав акценты на прорывы в области исследования гена.

Итак, научно-технологический прогресс ускоряется, его скорость и интенсивность достигает таких показателей, что ряд исследователей описывает это состояние науки и техники через концепт сингулярности, причем он может определяться различным образом: либо как короткий период чрезвычайно быстрого технологического прогресса, либо как точка во времени, с которой машины начинают совершенствовать сами себя, без помощи кого-либо. Обращаясь к философским взглядам Ф. Фукуямы на развитие на науки и техники, необходимо отметить согласие философа с первым пониманием сингулярности. Также ученый не рассматривает возможность сценария в *a la* состояние машин, однако высказывает опасения относительно формирования человека нового типа.

Таким образом, неизбежно возникает вопрос: научно-технологический прогресс – это добро или зло для человечества. Ф. Фукуяма в своих работах не дает определенного ответа, однако анализирует практически все его аспекты. И все же для философа вывод очевиден. Наука и техника стали немаловажным фактором формирования облика современного общества и сыграли важную роль в переходе к состоянию во всемирно-историческом процессе, определяемом как конец истории. Мы не можем не согласиться с подобной аргументацией. Например, известный американский политолог З. Бжезинский в работе «Между двумя эпохами: Америка в эпоху технотроники» говорил о важности экономического развития (в понимании Й. Шумпетера), основой которого является наука [13]. Другим положительным аспектом научно-технологического прогресса, который, несомненно, разделяется Ф. Фукуямой, является расширение горизонтов познания. Философ отмечает: «Гегель считал, что борьба за признание³ есть чисто человеческое явление – даже в каком-то смысле центральное, определяющее суть человека. Но в этом он ошибся: под человеческой жадой признания кроется биологическая основа, которая наблюдается у многих других видов животных». В данном контексте необходимо отметить, что уже в начале 2000-х гг. Фукуяма реконцептуализировал понимание природы тимоса, а следовательно, и взгляды на природу конца истории. И, наконец, в-третьих, сложно не согласиться с мнением политолога И. де Сола Пула, с которым солидарен Ф. Фукуяма, относительно роли и места научно-технологического прогресса в становлении (прежде всего, в процессе демократического транзита, выражаясь категориальным аппаратом С. Хантингтона) либеральной демократии. Эти технологии автором названы «технологиями свободы», так как их внедрение создает условия для демократических преобразований [14]. Наиболее характерный пример для совре-

³ Тимос Платона и жажда признания Г. Гегеля (позволим себе отметить, что данная категория не является ключевой в философской концепции Г. Гегеля, однако в значительной мере актуализирована одним из величайших его комментаторов XX в. – А. Кожевым, который считал, что именно жажда признания является двигателем истории. Сам Ф. Фукуяма часто не разделяет взгляды А. Кожева и Г. Гегеля, что приводит к невероятной путанице в обращении к наследию философов). Понятия, конечно, отличаются по объему и содержанию, однако в концепции Ф. Фукуямы их следует отождествлять. И первый, и второй являются ключевыми категориями в аргументации «конца истории».

менного мира (де Сола Пул сформулировал эти идеи в 1980-е гг.), на наш взгляд, это социальные сети, которые сыграли значительную роль в событиях Арабской весны, гражданских противостояниях последнего десятилетия на постсоветском пространстве, в Западной Европе и США.

Но любой процесс диалектичен, и, значит, наряду с положительными аспектами могут проявляться и отрицательные, причем, по мнению Ф. Фукуямы, они могут стать вызовами западной цивилизации. Продукты жизнедеятельности цивилизации (а современная наука формировалась прежде всего в рамках западной цивилизации) могут восстать против своего родителя подобно детям Кроноса. Ф. Фукуяма выделяет два наиболее вероятных сценария – формирование общества мягкого тоталитаризма и формирование постчеловека. Однако оба сценария являются частными вариантами парадигмы «дивного нового мира». В таблице представлена сущность этих сценариев.

Таблица. – Научно-технологический аспект сценариев вызовов западной цивилизации

Искушение «дивным новым миром»	Сущность
Формирование общества мягкого тоталитаризма	Общество становится более иерархичным, общество posthistory трансформируется следующим образом: все его атрибуты продолжают сохраняться, однако остается только их оболочка, либерально-демократический дискурс продолжает артикулироваться. Но общество становится тоталитарным со всеми его атрибутами, правда, осуществление контроля реализуется с помощью достижений науки
Формирование постчеловека	Трансформации природы человека с помощью биотехнологий и других научных достижений, что неизбежно приведет к изменению социальной организации общества

И первый, и второй сценарии неизбежно выводят всемирно-исторический процесс из состояния конца истории. Тоталитаризм противоречит сущности конца истории в понимании Ф. Фукуямы, ибо, будучи одним из продуктов развития западной цивилизации, пасынком Modernity, он невозможен без модернизации, не является результатом развития либеральной демократии, а, скорее, внутренним вызовом последней. Также философ не единожды отмечал, что конец истории – итог человеческой истории, а успешные попытки изменения природы человека неизбежно приведут к выходу из состояния конца истории. В публикациях Ф. Фукуямы предлагаются три возможности реализации этих сценариев: 1) формирование общества мягкого тоталитаризма вызовет формирование постчеловека; 2) формирование постчеловека детерминирует господство общества мягкого тоталитаризма; 3) взаимопроникновение и взаимовлияние этих процессов. Однако наиболее аргументированной является третья возможность выхода из состояния конца истории в результате научно-технологических вызовов.

И если сценарий формирования общества мягкого тоталитаризма Ф. Фукуяма детально не разрабатывает и не занимается прогнозированием, то, на наш взгляд, это определяется спецификой времени артикуляции взглядов философа на развитие науки и техники. Это рубеж тысячелетий. Громкий унилатералистский прогноз ученого поставлен под вопрос ходом мировой истории, а, значит, это не способствовало созданию новых глобальных прогнозов. Ф. Фукуяма же основательно разрабатывает проблематику формирования постчеловека. Сам философ не вводит конструкт «постчеловек», однако четко определяет его объем и содержание: человек, «модернизированный» в результате научно-технологического процесса, причем таким образом, что кардинально трансформируется сама природа человека. Поэтому необходимым является определе-

ние концепта «природа человека». По мнению Ф. Фукуямы, природа человека есть сумма поведения и свойств, типичных для человека как вида и возникающих из генетических, а не энвиронментальных факторов. Причем «типичные свойства» в целом соотносятся с термином «видоспецифическое поведение». Однако философ отмечает, что «типичность есть искусственный статистический термин – он говорит о чем-то близком к медиане в распределении поведения или свойств» [11, с. 164].

Итак, человечество может изменить природу человека, прежде всего благодаря применению биотехнологий. Первый вариант аргументации: религиозный. Использовать биотехнологию – значит заниматься тем, что К.С. Льюис назвал «человек отменяется», а значит, идти против воли Божией. Однако подобная аргументация имеет ряд ограничений, прежде всего мировоззренческого характера, что не позволяет ей стать универсальной [11, с. 190]. Второй вариант аргументации философский. Ф. Фукуяма для обоснования необходимости контролирования использует такие категории, как «человеческое достоинство», «права человека», «человеческая природа» [11, с. 236]. Все это позволяет ему сделать вывод о «особенностях человеческой расы».

Так чего же так опасается философ? Им предложены три сценария.

Первый связан с новыми лекарственными средствами. Автором делается акцент на возможности трансформации личности в силу выявленной ее пластичности. А в будущем, пишет философ, когда знание геномики позволит фармацевтическим компаниям делать лекарства на заказ согласно генетическому профилю пациента, нежелательные побочные эффекты будут весьма сильно подавлены. Нельзя не провести параллели между важнейшими аспектами этого сценария и медицинским (и не только) препаратом сомой из романа Хаксли «О дивный новый мир».

Во втором сценарии успехи исследований стволовых клеток позволят ученым регенерировать практически любую ткань тела и ожидаемая продолжительность жизни перевалит далеко за сто лет. Наряду с положительными аспектами (лечение болезни Альцгеймера или инсульта) создаются условия для экстраординарной трансформации поколений, что тяжелым грузом ляжет на государственный бюджет государства.

Третий сценарий связан с экспериментами с геномом человека. Во-первых, проверка эмбрионов и их оптимизация. Во-вторых, создание химер – полулюдей-полуживотных. Таким образом, создаются все условия для новой стратификации общества, противоречащей сути общества *posthistory*. Клонирование, по мнению философа, должно быть безоговорочно запрещено. Нравственные причины такого запрета связаны с тем, что клонирование – весьма неестественная форма размножения, которая установит столь же неестественные отношения между родителями и детьми.

К этим трем сценариям стоит добавить перспективы развития искусственного интеллекта (AI). В 2002 г. философ отмечал: «В последней области особенно много энтузиастов, убежденных, что с наличием более мощных компьютеров и новых подходов к вычислительным процессам, например, теории нейронных сетей, мы вот-вот добьемся прорыва, в результате которого компьютеры обретут сознание. Проводились конференции и серьезные дискуссии по вопросу о том, будет ли моральным выключить такую машину – если и когда произойдет этот прорыв – и надо ли будет давать права обладающим сознанием машинам» [11, с. 84].

Рассматривая предложенные сценарии, закономерно поставить вопрос о базовых принципах в принятии решений относительно регулирования научно-технологического прогресса, в частности биотехнологий. Первая из альтернатив – дегуманизированный постмодернизм – можно все, или вперед к постчеловеческой истории. Попытки провести различие между лечением и улучшением подвергались нападкам на том основании, что нет в теории способа различить эти два явления, а потому нет и способа отличать их на практике. Есть давняя традиция, особенно сильно защищаемая в последние годы

французским мыслителем-постмодернистом Мишелем Фуко, гласящая, что явление, которое общество считает патологией или болезнью, на самом деле – социально сконструированное явление: клеймится отклонение от предписанных норм [11, с. 285]. Однако государства западной цивилизации, которые и принимают решения в этой области, формировались не как государства всеобщей свободы, а на основании ряда особенностей, детерминирующих цивилизационную идентичность, среди которых идеология прав человека, верховенство закона, социальный плюрализм и гражданское общество и др. Таким образом, политическое равенство, провозглашенное в ряде политико-правовых актов, начиная с Декларации независимости, опирается на эмпирический факт природного равенства людей, в том числе равенства политических, экономических, социальных, культурных прав. И хотелось бы отметить, что для стран Запада это действительно важный принцип развития, а не «чушь на ходулях», как едко замечал утилитарист Дж. Бентам. Естественность и неотъемлемость прав может быть изменена в результате биотехнологических экспериментов, что неизбежно разрушит либерально-демократический строй. Ф. Фукуяма пишет: «Права – основа нашего либерально-демократического политического строя, ключ к современной мысли о моральных и этических вопросах».

Таким образом, открытым остается вопрос: будет ли наука всегда служить интересам постисторической цивилизации? При определенном уровне развития науки категория «общечеловеческого» может быть нивелирована: «потому что мы перемешаем гены (имеются ввиду эксперименты с геномом человека в рамках супергранта «Геном человека» и других проектах, в рамках которых возможно клонирование человека. – А. К., С. Ж.) человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [11, с. 364]. Таким образом, будет создан «постчеловек», а каким он будет – вопрос открытый.

Заключение

В результате осмысления взглядов Ф. Фукуямы на пути развития науки и техники можно сделать следующие выводы.

Философию науки и техники Ф. Фукуямы необходимо рассматривать в контексте его взглядов на конец истории, поскольку конец истории невозможен без конца науки. Научно-технологический процесс должен служить человеческим целям, а не развиваться по внутренним сценариям. Преодоление альтернативы парадигмы «1984» создает дополнительные соблазны для реализации парадигмы «дивного нового мира».

Ф. Фукуяма выделяет два наиболее вероятных сценария, которые были определены следующим образом: формирование общества мягкого тоталитаризма и формирование постчеловека. Подобный мир «может оказаться куда более иерархичным и конкурентным» в парадигме «дивного нового мира» [11, с. 365]. Западная цивилизация не должна стать рабом научно-технологического процесса, а сам прогресс должен стать ее органичным элементом.

Таким образом, научная сингулярность должна быть управляемой в рамках демократических институтов. Мир, по мнению Ф. Фукуямы, должен развиваться под знаменем свободы, истинной свободы, а не фальшивого ничем не ограниченного размножения или свободы беспрепятственного научного исследования. Истинная свобода, утверждает философ, означает свободу политической общественности защищать ценности, которые ей всего дороже, и именно этой свободой мы должны воспользоваться сегодня по отношению к биотехнологической революции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпенглер, О. Закат Западного мира / О. Шпенглер. – М. : Альфа-книга, 2014. – 1085 с.
2. Тойнби, А. Постижение истории : сборник / А. Тойнби. – М. : Рольф, 2001. – 640 с.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 21–35.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 431 с.
5. Саид, Э. Ориентализм / Э. Саид. – М. : Рус. мир, 2006. – 394 с.
6. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
7. Фукуяма, Ф. Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. А. Георгиева. – М. : АСТ, 2007. – 282 с.
8. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
9. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Ин-т эксперим. социологии, 1998. – 160 с.
10. Хаксли, О. Возвращение в дивный новый мир / О. Хаксли. – М. : Астрель, 2012. – 192 с.
11. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2004. – 367 с.
12. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : АСТ, 2009. – 310 с.
13. Бжезинский, З. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники / З. Бжезинский. – М. : Прогресс, 1972. – 308 с.
14. Sola Pool, I. de. Technologies of Freedom / I. de Sola Pool. – Cambridge : Harvard/Belkman, 1983. – 284 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.03.2019

Klimovich A.V., Zhuk S.A. Scientific and Technological Challenges of Western Civilization in the Context of the Concept of the «End of History» F. Fukuyama

Two aspects of scientific and technological challenges are being investigated: the formation of a society of soft totalitarianism and the formation of a postman.